

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО БОЖКОВ против РОССИИ»

(Жалоба № 13768/06)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

15 октября 2019 года

Данное постановление вступило в силу. Оно может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Божков против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседавая Комитетом, в состав которого вошли:

Алина Полачкова, *Председатель*,

Дмитрий Дедов,

Жильберто Феличи, *судьи*,

и Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,

проведя 24 сентября 2019 года заседание за закрытыми дверями,

вынес следующее постановление, утвержденное в указанную дату:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 13768/06) против Российской Федерации, поданной в Суд 21 марта 2006 года в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданином данного государства Иваном Николаевичем Божковым (далее — «заявитель»).

2. Интересы заявителя, который получил бесплатную правовую помощь, были представлены О.В. Дружковой, юристом «Центра содействия международной защите», неправительственной организации, находящейся в Москве. Интересы Властей Российской Федерации (далее - «Власти») первоначально представлял Г.О. Матюшкин, бывший Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а затем его преемник на этом посту М.Л. Гальперин.

3. 16 октября 2013 года жалоба в частях, касающихся ненадлежащего обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов, а также отсутствия на процессе потерпевшего в результате противоправных действий, была коммуницирована Властям, а остальная часть жалобы была признана неприемлемой в соответствии с пунктом 3 статьи 54 Регламента Суда.

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

4. Заявитель 1978 года рождения проживает в городе Москве.

A. События, послужившие основанием для обращения в Суд

5. 14 декабря 2004 года между находившимися в одной квартире заявителем, его подругой и ее бывшим другом Ч. произошел конфликт. Во время данного конфликта заявитель ударил Ч.

6. В тот же день Ч., находясь в нетрезвом состоянии, обратился в медицинское учреждение, где врач обнаружил у него, помимо прочего, многочисленные рваные раны на лице.

7. 13 января 2005 года Ч. подал жалобу. Он обвинял неизвестного, которого звали Иван, в нанесении ударов по голове стеклянной кружкой 14 декабря 2004 года. 14 января 2005 года было возбуждено уголовное дело в отношении Х. (пункт 26 ниже) по факту нанесения побоев, преступления, предусмотренного пунктом 2 статьи 116 Уголовного кодекса (УК).

8. 15 января 2005 года заявитель и его подруга направили две жалобы в Отдел собственной безопасности Министерства внутренних дел Российской Федерации («отдел собственной безопасности»). В обеих жалобах они утверждали, что сотрудник ОВД района Зябликово г. Москвы О. вымогал у них деньги в обмен на обязательства, что разбирательству по уголовному делу по факту нанесения побоев Ч. не будет дан ход.

9. Тогда Сотрудники отдела собственной безопасности предложили заявителю принять участие в оперативном эксперименте, чтобы застать О. на месте преступления в виде вымогательства взятки. С согласия заявителя они выдали ему необходимую денежную сумму и средства для записи речи.

В. Факты, имевшие место 17 января 2005 года.

10. 17 января 2005 года, в 16 часов 15 минут, заявитель явился в ОВД района Зябликово, как будто убежденный во время телефонного разговора с О. Последний встретил заявителя у входа в здание и сопроводил его в свой кабинет. Данный кабинет, в котором вместе с О. находились сотрудники правоохранительных органов Ф. и Р., был разделен на три рабочих помещения деревянными перегородками.

11. О. потребовал у заявителя показать содержимое карманов и сделал попытку обыскать его. По словам заявителя, обнаружив спрятанные на нем записывающие устройства, О. стал наносить ему удары по голове и туловищу.

12. В 16 часов 23 минуты, воспользовавшись тем, что О. вышел из кабинета, заявитель позвонил сотрудникам отдела безопасности и сообщил им о попытке О. обыскать его и о нанесении ему побоев. Возвратившись в кабинет и застав заявителя с мобильным телефоном в руках, О. снова стал наносить ему удары по туловищу.

13. В 16 часов 25 минут сотрудники Оодела безопасности Л. и К. в сопровождении двух понятых вошли в кабинет и задержали О. Они установили повреждения на лице заявителя, которые тот объяснил результатом нанесения ему побоев О. Сотрудники осмотрели кабинет и взяли с пола образец крови заявителя.

14. Сотрудники отдела безопасности направили заявителя в городскую поликлинику № 17 г. Москвы, где в тот же день в 20:00 травматолог установил наличие следующих травм: ушибы,

кровоподтеки на волосяной части головы, носу, губах, лопатках, ушибы и ссадины средней степени тяжести на голени. Врач выписал выдал заявителю медицинскую справку.

15. Позднее, в тот же день, заявитель оформил документ, именуемый «Объяснение» на имя Отдела безопасности, в котором он подробно описывал свою встречу с О. и нанесенные ему удары и травмы. Он утверждал, в частности, в данном документе, что другие сотрудники правоохранительных органов присутствовали при данном инциденте, но не вмешивались.

В. Проверки, которые проводились по заявлениям о жестоком обращении и вымогании денег

16. В день, не уточненный в деле, заявитель дополнил свою жалобу от 15 января 2005 года (пункт 10 выше) обвиняя О. в злоупотреблении служебными полномочиями и умышленном совершении насильственных действий 17 января 2005 года.

17. В рамках предварительных проверок по данным утверждениям О. изложил следующее: он намеревался допросить заявителя, и чтобы заманить его любыми способами и уговорами он заставил его поверить в возможность прекращения возбужденного в отношении него уголовного дела, если тот принесет ему денежную сумму в качестве взятки; на самом деле, он никогда не собирался вымогать взятку, а хотел только показать, что он добивается хороших результатов в расследовании уголовного дела в связи с совершением заявителем насильственных действий в отношении Ч.; после того, как заявитель пришел к нему в кабинет, он попытался обыскать его, поставив лицом к стене; в этот момент заявитель ударил сам себя в нос рукой или локтем, и этот удар привел к кровотечению. О. всячески отрицал применение силы в отношении заявителя.

20 января 2005 года О. уволился из органов внутренних дел.

18. Понятые, присутствовавшие при задержании О., подтвердили, что они видели кровь на лице заявителя, и что они слышали, как тот обвиняет О. в нанесении ему нескольких ударов.

19. Сотрудник милиции Ф., работающий в том же кабинете, что и О., показал, что он видел, как заявитель подвергался личному обыску, который производил О., затем он видел сидевшего на полу заявителя и склонившегося над ним О. Сотрудник милиции Р., другой сослуживец О., заявил, что он отсутствовал в момент инцидента.

20. 15 февраля 2005 года начальник управления внутренних дел Южного Административного Округа г. Москвы утвердил отчет по внутреннему расследованию, которое проводилось в отношении сотрудников ОВД района Зябликово. Согласно данному отчету, О. задержал и обыскал заявителя без достаточных на то оснований и в отсутствие понятых, нарушив тем самым положения закона о милиции и кодекса административных правонарушений. Также согласно данному отчету, указанные факты квалифицировались как серьезное

дисциплинарное нарушение, но увольнение О. из органов внутренних дел делало невозможным привлечение его к дисциплинарной ответственности.

21. В период с 7 февраля 2005 года по 7 марта 2009 года было вынесено девять последующих постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по факту жестокого обращения и вымогательства. В частности, в ряде этих решений было указано, что заявителю были нанесены множественные телесные повреждения, но было невозможно установить, как и при каких обстоятельствах он их получил, что утверждение О. о случайном происхождении указанных повреждений не было опровергнуто, и что объективные данные, подтверждающие, что О. нанес удары заявителю, отсутствовали. Также указывалось, что заявитель не передавал денег О., то есть последнему нельзя было вменить в вину какого-либо правонарушения в виде вымогательства.

22. Все эти постановления были отменены на основании, в частности, отсутствия оценки телесных повреждений у заявителя, обнаруженных 17 января 2005 года. В частности, после передачи данной жалобы, 24 декабря 2013 года, заместитель прокурора г. Москвы отменил решение от 7 марта 2009 года и распорядился провести дополнительные проверки.

23. В дни, не уточненные в деле, но после 24 декабря 2013 года, сотрудники Отдела безопасности Л. и К. подтвердили, что при участии в операции по служебному расследованию 17 января 2005 года, заявитель позвонил им из кабинета О. и сообщил, что тот пытался его обыскивать и избил его.

24. 12 марта 2014 года органы судебного преследования обратились в поликлинику № 17 г. Москвы с требованием передать им медицинскую карту заявителя, чтобы оценить характер травм, полученных им 17 января 2005 года. Поликлиника ответила, что запрошенная карта в ее архиве отсутствует.

25. В период с 21 марта 2014 года по 7 мая 2015 года было вынесено семь новых постановлений подряд об отказе в возбуждении уголовного дела. В данных постановлениях указывалось, в частности, на невозможность проведения медицинской экспертизы травм заявителя по причине отсутствия его медицинской карты в архиве городской поликлиники, где данные травмы были выявлены 17 января 2005 года. В вышеуказанных постановлениях делался вывод об отсутствии фактов, в которых присутствовал состав преступления в действиях О.

Д. Уголовное дело в отношении заявителя, разбирательство по уголовному делу и вынесение заявителю приговора.

26. 14 января 2005 года по заявлению Ч. было возбуждено уголовное дело по факту побоев. Допрошенный в тот же день, он подтвердил, что заявитель ударил его по голове кружкой.

27. 18 января 2005 года было составлено медицинское заключение по факту нанесения побоев Ч. В данном заключении в соответствующей части постановления говорится:

«В теменной области, (...) шрам размером 4,5 см со следами швов (...). [На левой надбровной дуге,] шрам в виде угла размером 2,5 на 3 см (...). [Со стороны левой брови,] шрам размером 8 см. У основания носа, шрам размером 2,5 см (...). [По направлению] к нижней челюсти, шрам размером 2,5 см. Все шрамы плотные, красновато-синие (...), с деформацией и затвердением кожи.»

28. Эксперт сделал вывод о том, что временная нетрудоспособность Ч. по причине полученных травм не превышала 21 день. Эксперт также сделал вывод о том, что шрамы на его лице были неизгладимыми, что их цвет смягчится со временем, но что, с учетом их большого размера и деформации кожи, они не исчезнут, и что потребуется операция в области пластической хирургии, чтобы их убрать. В день, не уточненный в деле, заявителю было передано экспертное заключение.

29. Допрошенный впоследствии дознавателем, эксперт разъяснил, что обезображивание Ч. является обстоятельством, которое может установить только суд.

30. Учитывая выводы экспертного заключения, вменяемые заявителю действия были переквалифицированы в умышленное совершение насильственных действий, выразившееся в неизгладимом обезображивании лица потерпевшего, преступление, предусмотренное частью 1 статьи 111 УК.

31. 19 января 2005 года заявителю было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 111 УК. Во время его взятия под стражу в тот же день никакие телесные повреждения не были указаны в регистрационном журнале лиц, помещенных в заключение.

32. Во время уголовного процесса в отношении заявителя в Нагатинском районном суде г Москвы судебные органы направили Ч. несколько повесток по известным адресам и несколько раз звонили по известным номерам. Попытки разыскать Ч. оказались безрезультатными.

33. На одном из заседаний были зачитаны экспертное заключение и протокол допроса эксперта дознавателем. Заявитель, интересы которого представлял адвокат, не дал никаких комментариев, и не сделал никаких заявлений касательно данного заключения.

34. На другом заседании был зачитан протокол допроса Ч., несмотря на возражение заявителя. Суд счел, что невозможность разыскать потерпевшего являлось исключительным обстоятельством, позволяющим зачитывать его показания в его отсутствие в соответствии со статьей 281 Уголовно-процессуального кодекса (УПК).

35. Заявитель подтвердил на заседании, что он нанес Ч. удар кружкой, но он настаивал на том, что факт обезображивания его лица не был установлен.

36. Следователь, допрашивавшая Ч., заявила на заседании, что в момент его допроса 14 января 2005 года его лицо было сильно повреждено и обезображено, и что, по ее мнению, шрамы были неизгладимыми.

37. 1 ноября 2005 года Нагатинский районный суд г. Москвы признал заявителя виновным в умышленном нанесении побоев, повлекших стойкое обезображивание лица потерпевшего. Основываясь, в частности, на выводах из экспертного заключения от 18 января 2005 года, суд счел, что шрамы на лице Ч. не разглядятся без хирургического вмешательства, и что они обезображивают его лицо. Суд приговорил заявителя к шести годам лишения свободы.

38. Заявитель подал кассационную жалобу. Он обвинял суд, помимо прочего, в том, что он не видел лица Ч. на слушаниях и не убедился в его обезображивании. 21 декабря 2005 года Московский городской суд отказал в удовлетворении кассационной жалобы заявителя, приняв заключения Нагатинского районного суда.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

А. Соответствующее национальное законодательство и практика его применения, относящиеся к правонарушениям в виде побоев.

39. В соответствии с частью 2 статьи 116 УК, побои, не причинившие вреда здоровью, но совершенные из хулиганских побуждений, наказываются общественными работами или ограничением свободы на срок до двух лет, арестом на срок до шести месяцев или лишением свободы на срок до двух лет.

40. В соответствии с частью 2 статьи 111 УК, умышленные побои, причинившие серьезный вред здоровью, в том числе повлекшие стойкое обезображивание лица потерпевшего, наказуемы лишением свободы на срок до восьми лет.

41. В соответствии со статьей 13 постановления Правительства от 17 августа 2007 года о порядке определения степени вреда здоровью, серьезность вреда, состоящая в стойком обезображивании лица должна определяться судом, в то время, как в экспертном заключении можно только определить, носят ли повреждения постоянный характер или нет.

42. В решении от 17 августа 2016 года № АКПИ16-562, Верховный Суд России уточнил, что понятие «обезображивание» относится к эстетике, а не к медицине, и что обезображивание не может быть определено в заключении медицинской экспертизы, но относится к оценке доказательств в уголовном деле. По мнению Верховного Суда, вопрос обезображивания лица является правовым вопросом, который следует рассматривать судом с учетом всех обстоятельств данного

дела и, в частности, мнений сторон судебного разбирательства, а также общепринятых эстетических концепций, относящихся к красоте человеческого лица. Суд добавил, что только суд может определить, было ли лицо потерпевшего стойко обезображено.

В. Применимое национальное законодательство, относящееся к разбирательству по уголовному делу

43. Национальное законодательство, применимое к данному делу в период фактов, касающееся запрета жестокого обращения, и порядок рассмотрения жалоб в рамках уголовного дела по данному вопросу рассматриваются в постановлении от 24 июля 2014 года «Ляпин против России» (*Lyapin c. Russie*) (жалоба № 46956/09, п.п. 96-102).

44. Федеральный закон №23-ФЗ от 4 марта 2013 года расширил список следственных действий, которые могут быть произведены в рамках предварительных проверок по заявлению о совершении уголовного преступления даже при отсутствии возбуждения уголовного дела. Данный список отныне включает экспертные заключения, взятие образцов для сравнительного анализа, а также иные следственные действия (см. подробно постановление от 20 ноября 2018 год по делу «Самесов против России» (*Samesov c. Russie*), жалоба №57269/14, пункты 40-41).

45. Содержание статьи 281 УПК об оглашении показаний при судебном разбирательстве изложено в постановлении Большой Палаты Европейского Суда от 18 декабря 2018 года «Муртазалиева против России» (*Murtazaliyeva c. Russie*) (жалоба № 36658/05, пункт 71).

46. Согласно статьям 195, 205 и 206 УПК, следователь, который ведет уголовное дело, может назначить эксперта для подготовки отчета о результатах экспертизы. Отчет о результатах экспертизы сообщается сторонам, участвующим в судебном разбирательстве (в том числе при предъявлении обвинения, а также адвокату). В момент уведомления сторонам сообщается их право на требование дополнительной экспертизы или повторной экспертизы. Дознаватель может также, по собственной инициативе или по ходатайству одной из сторон, участвующих в процессе, принять решение о вызове для допроса эксперта в целях прояснения или разъяснения отчета о результатах экспертизы.

47. В соответствии со статьей 282 УПК, суд может по собственной инициативе или по ходатайству одной из сторон, вызвать для допроса эксперта, давшего заключение, для разъяснения или дополнения данного им заключения. После оглашения заключения эксперта ему могут быть заданы вопросы судом и сторонами. В соответствии со статьей 283 УПК, суд может по собственной инициативе или по ходатайству одной из сторон назначить дополнительную или повторную экспертизу. В этом случае стороны представляют вопросы, которые они хотят задать эксперту.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

48. Заявитель жалуется на то, что был избит в то время, когда он находился в отделении милиции. Он жалуется также на отсутствие эффективного расследования относительно данного утверждения и ссылается в этой связи на статью 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Доводы сторон

1. Заявитель

49. Заявитель утверждает, что был жестоко избит сотрудником милиции О. в его кабинете. Он считает, что, хотя он фактически не был «взят под стражу» в этот день, сотрудники, планировавшие операцию от 17 января 2005 года, несли ответственность за его безопасность и настаивает на том, что они видели полученные им телесные повреждения. Кроме того, заявитель считает неправдоподобной и нелогичной версию О. о случайном происхождении указанных телесных повреждений.

50. Заявитель настаивает на том, что данные травмы присутствовали в медицинской справке от 17 января 2005 года, и жалуется, что судебные органы так и не придали значения указанной справке. Кроме того, он настаивает на том, что при взятии его под стражу 19 января 2005 года он сообщил о наличии травм, но это нигде не было зарегистрировано.

51. Заявитель считает, что проверки, проводимые компетентными органами по жалобам на жестокое обращение, были поверхностными и несовместимыми со стандартами процессуальной части статьи 3 Конвенции. Он жалуется, в частности, что после нескольких лет проверок не было возбуждено никакого уголовного дела, и О. смог уволиться в полной безнаказанности. Наконец, заявитель жалуется на то, что не был своевременно извещен о различных процессуальных решениях, вынесенных в рамках предварительной проверки по его жалобам на жестокое обращение.

2. Власти

52. Ссылаясь на выводы в постановлениях об отказе в возбуждении уголовного дела, Власти считают, что жалобы заявителя на жестокое обращение являются необоснованными. Не оспаривая того факта, что полученные заявителем травмы были указаны в медицинской справке от 17 января 2005 года, власти подчеркивают, что в журнале регистрации лиц, взятых под стражу 19 января 2005 года отсутствовала

запись о наличии у заявителя каких-либо телесных повреждений (пункт 31 выше).

53. Власти настаивают на том, что, компетентные органы провели необходимые проверки, и что заявитель своевременно получал копии всех документов по разбирательству, имеющих к нему отношение. Власти предложили Суду сделать вывод об отсутствии нарушения статьи 3 Конвенции.

В. Мнение Суда

54. Установив, что эта жалоба не является явно необоснованной в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и не является неприемлемой по другим причинам, Суд объявил ее приемлемой.

55. Суд недавно напомнил в постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буид против Бельгии» (*Bouyid c. Belgique*) (жалоба №23380/09, CEDH 2015), что, если указанные события разворачиваются полностью или в значительной части в сфере исключительного ведения властей, как в делах лиц, находящихся под их контролем в местах лишения свободы, в связи с травмами, причиненными в этот период, возникают прочные фактические презумпции. Обязательство доказывания ложится, таким образом, на Власть: им надлежит предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение, предоставив доказательства, устанавливающие факты, которые поставят под сомнение рассказ потерпевшего. В отсутствие такого объяснения Суд вправе сделать заключения, которые могут быть неблагоприятными для Властей (*там же, пункт 83*). Кроме того, положения статьи 3 Конвенции требуют, чтобы в какой-либо форме проводилось эффективное официальное расследование, если лицо доказуемо утверждает, что полиция или другие аналогичные государственные службы применили к нему противоречащее статье 3 обращение (*там же, пункт 116*).

1. По вопросу о том, находился ли заявитель под контролем милиции в то время, когда имели место указанные факты жестокого обращения.

56. Суд замечает, что в то время, когда были совершены факты жестокого обращения, заявитель находился с сотрудником милиции, в отделении милиции, куда он явился в качестве участника операции, разработанной правоохранительными органами, с целью застать вышеуказанного сотрудника на месте преступления в виде вымогания взятки. Суд отметил, что в отчете по внутреннему расследованию было установлено, что указанный сотрудник милиции «задержал и обыскал» заявителя (пункт 20 выше). В этих обстоятельствах Суд считает, что 17 января 2005 года, в период с 15:00 по 16:00 заявитель находился в руках сотрудников милиции, то есть под контролем государственных органов.

2. По факту достоверности заявления заявителя о жестоком обращении

57. Суд отмечает, что заявитель, в то время, как он был «задержан и обыскан» сотрудником милиции О., получил множественные телесные повреждения, указанные в медицинской справке, и замеченные рядом лиц (пункты 13 и 18 выше). В этих условиях, Суд считает, что отсутствие упоминания об этих телесных повреждениях в журнале регистрации лиц, помещенных под стражу, 19 января 2005 года, не применимо.

58. По мнению Суда, характер и количество указанных повреждений соответствуют описанию жестокого обращения, представленного заявителем.

59. Суд считает, таким образом, что жалоба заявителя на жестокое обращение была достаточно правдоподобна, чтобы являться «доказуемой жалобой», в отношении которой могло быть проведено эффективное расследование.

3. По факту эффективности проверок заявления о жестоком обращении

60. Суд отмечает, что жалобы заявителя были отклонены, при том, что уголовное дело не было возбуждено. Всего было вынесено 16 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела: девять в период с 2005 года по 2009 год, и семь в период с 2014 года по 2015 год (пункты 21 и 25 выше).

61. Суд подчеркивает, что уже было определено, что отказ внутригосударственных органов власти в возбуждении уголовного дела по факту доказуемой жалобы на жестокое обращение со стороны милиции должен рассматриваться в качестве признака нарушения государством своего обязательства по проведению эффективного расследования в соответствии со статьей 3 Конвенции (упоминавшееся выше постановление по делу «Ляпин», пункты 133-140 и по делу «Самесов», пункты 50-59). Суд не видит никакого основания для иной констатации факта в данном деле.

62. На самом деле, Суд констатирует тот факт, что следователи, производившие предварительные проверки, не провели очных ставок заявителя со следователем, на которого он жаловался, что они не делали никаких попыток устранить противоречие между версией заявителя о происхождении телесных повреждений и версией сотрудника милиции, и они не обратили внимания на медицинскую справку, в которой были указаны множественные травмы у заявителя. В этой связи Суд считает, что версия сотрудника милиции О. о случайном характере телесных повреждений представляется скорее неправдоподобной, поскольку ушибы, кровоподтеки на волосистой части головы, губах и лопатках, а также ушибы и ссадины на голени вряд ли могли быть причинены только неловким движением заявителя.

Суд считает, что в любом случае данная версия требует проверки в рамках расследования.

63. Суд считает, что расследование уголовного дела явилось бы адекватным ответом на утверждения о жестоком обращении с заявителем, поскольку оно позволило бы провести все следственные действия, предусмотренные УПК, такие, помимо прочего, как допросы, очные ставки, опознание и следственные эксперименты (см., например, упоминавшееся выше постановление по делу «Олисов и другие против России» (*Olisov et autres c. Russie*) от 2 мая 2017 года, жалоба №10825/09 и 2 другие жалобы, пункт 81, с приведенными в нем ссылками, и постановление Европейского Суда от 9 октября 2018 года по делу «Голубятников и Жучков против России» (*Golubyatnikov et Zhuchkov c. Russie*, жалобы №№ 44822/06 и 49869/06, пункт 107, а также приведенное выше постановление «Самесов» (*Samesov*), пункты 57-59).

64. Наконец, Суд отмечает, что телесные повреждения, полученные заявителем, не были рассмотрены в рамках судебно-медицинской экспертизы. Если до марта 2013 года закон не позволял следователю давать распоряжение о проведении такой экспертизы без возбуждения уголовного дела, то с марта 2013 года такая экспертиза теоретически стала возможной даже в отсутствии возбужденного уголовного дела (пункт 44 выше). Однако, как было указано в решениях об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенных в 2014 и 2015 годах, на практике проведение такой экспертизы больше не представлялось возможным.

65. В свете вышеизложенного Суд считает, что не было проведено эффективного расследования по поводу утверждений о жестоком обращении, сделанных заявителем. Следовательно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте;

4. По объяснению, предоставленному Властями, чтобы поставить под сомнение версию событий заявителя

66. Суд отмечает, что для оспаривания довода заявителя Власти опираются на результаты предварительных проверок, которые были проведены по жалобам заявителя. Однако с учетом того факта, что результаты этих проверок не соответствуют требованиям статьи 3 Конвенции (см. пункт 65 выше), Суд считает, что Власти не предоставили правдоподобных объяснений телесным повреждениям заявителя и не выполнили наложенного на них обязательства опровергнуть достоверную версию событий, представленную заявителем. Следовательно, он считает установленной версию событий заявителя, в соответствии с которой он подвергся жестокому обращению в то время, когда он находился под контролем милиции. Суд считает, что такое обращение было достаточно грубым, чтобы считаться бесчеловечным и унижающим человеческое достоинство по смыслу статьи 3 Конвенции.

67. Из этого следует, что было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в ее материально-правовом аспекте (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Олисов и другие против России», пункты 83-85, упоминавшееся выше постановление по делу «Голубятников и Жучков против России», пункт 108, с приведенными в нем ссылками).

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТОВ 1 И 3 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

68. Заявитель жалуется на нарушение его права на судебное разбирательство, поскольку потерпевший в результате правонарушения, за которое он был осужден, не явился на судебное разбирательство, и что, следовательно, стойкое обезображивание его лица - обстоятельство, характеризующее данное преступление, которое вменялось ему в вину - не было доказано и установлено. Он ссылается на пункты 1 и 3 статьи 6 Конвенции, которые в частях, применимых к настоящему делу, гласят следующее:

«1. Каждый имеет право на (...) разбирательство дела в разумный срок (...) судом, который вынесет решение (...) об обоснованности любого предъявленного ему уголовного обвинения(...).

3. Каждый обвиняемый имеет, в частности, следующие права:

b) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него;

A. Доводы сторон

1. Заявитель

69. Заявитель считает, что уголовный процесс не был справедливым, поскольку, по его мнению, стойкое обезображивание лица потерпевшего не было установлено судом. Он утверждает, что ни он, ни суд, вынесший ему приговор, не имели возможности увидеть Ч. лично и оценить стойкий и обезображивающий характер шрамов на его лице. Также суду не было предъявлено никаких фотографий Ч. Заявитель считает, что не было никаких доказательств стойкого обезображивания Ч.

70. Заявитель считает, кроме того, что меры властей по розыску Ч. были недостаточными. Он считает, что в статье 281 УПК, на которую ссылается национальный суд, чтобы зачитать показания потерпевшего, не приводится невозможность определения местонахождения свидетеля или потерпевшего в качестве обстоятельства, обосновывающего отсутствие их на заседании.

71. Заявитель делает вывод о том, что у него не было адекватной возможности оспорить улики против него.

2. *Власти*

72. Власти считают, что государственные органы приняли разумные и достаточные меры для определения местонахождения Ч. и вызова его в суд. Власти также считают, что показания Ч. не были единственной уликой против заявителя. Приговор же, вынесенный заявителю, был также основан на экспертном заключении от 18 января 2005 года, в котором подробно описывались телесные повреждения Ч., на показаниях эксперта и на других доказательствах.

73. По мнению Властей, у заявителя был адекватная возможность подготовиться к защите и оспорить улики против него. Власти настаивают на том, что заявитель не воспользовался возможностью оспорить отчет о результатах экспертизы от 18 января 2005 года, который был, по их мнению, самым важным доказательством.

74. Власти считают, что судебное разбирательство в отношении заявителя соответствовало УПК, было справедливым и проводилось согласно принципу состязательности, и предлагают Суду объявить жалобу заявителя явно необоснованной.

В. Мнение Суда

1. *О квалификации жалобы*

75. Суд отмечает, что хотя жалоба заявителя была коммуницирована по подпункту b) пункта 3 статьи 6 Конвенции, стороны в своих замечаниях высказались, по сути, только по соблюдению подпункта d) пункта 3 статьи 6. В этой связи, Суд считает, что на основании принципа *jura novit curia*, он не ограничивается правовыми средствами, выдвинутыми заявителями на основании Конвенции и Протоколов к ней, и он может вынести решение о правовой квалификации фактов, присутствующих в жалобе, рассматривая ее по статьям или положениям, отличных от приведенных заявителями (Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Радомила и другие против Хорватии» (*Radomilja et autres c. Croatie*) от 20 марта 2018 года, жалобы №№ 37685/10 и 22768/12, п. 126).

76. В данном деле Суд считает, что не ставится никакого особого правового вопроса с точки зрения пункта 3 подпункт d) статьи 6 Конвенции, так как из документов, присутствующих в деле, не следует, что на внутригосударственном уровне заявитель намеревался оспорить показания потерпевшего. На самом деле, заявитель все время подтверждал, что нанес Ч. удар по голове кружкой (пункт 35 выше).

77. В данном деле вопрос ставится, скорее, о том, сделало ли физическое отсутствие потерпевшего на судебном разбирательстве невозможным для заявителя оспорить стойкое обезображивание лица

потерпевшего и, таким образом, сделало несправедливым разбирательство по уголовному делу в отношении него. Напоминая, что требования пункта 3, подпункт b) статьи 6 Конвенции представляют особые аспекты права на справедливое судебное разбирательство, гарантированное пунктом 1 статьи 6 (см. приведенное выше постановление по делу «Муртазалиева», п. 90), Суд считает целесообразным рассмотреть данную жалобу с точки зрения обоих этих положений, в их сочетании.

2. Об обоснованности жалобы

78. Суд замечает, что уголовное преступление в виде нанесения побоев с отягчающими обстоятельствами, за которое был осужден заявитель, характеризуется двумя обстоятельствами: обезображивание лица потерпевшего (обстоятельство правового и эстетического порядка) и стойкий характер данного обезображивания (обстоятельство медицинского порядка). Для того, чтобы подготовиться к защите и иметь возможность оспорить данные обстоятельства, заявитель должен был иметь фактическую возможность ознакомиться с результатами расследования по уголовному делу и собранными доказательствами, а также прокомментировать их (там же, пункт 91, с приведенной прецедентной практикой).

79. Суд отмечает, что осуждение заявителя за преступление в виде умышленных побоев с отягчающими обстоятельствами основывалось, в частности, на отчете о результатах экспертизы, в котором указывались размеры шрамов на лице потерпевшего, их цвет, их вид и расположение, а также на разъяснениях, данных экспертом следователю, и на показания следователя на заседании.

80. Суд отмечает, что заявитель, интересы которого на протяжении всего разбирательства представлял адвокат, ни разу не оспорил выводы, содержащиеся в отчете о результатах экспертизы, не утверждал, что он был неполным, противоречивым, или представлял другие недостатки, и не изъявил желания задать вопросы эксперту, как это допускает УПК (п.п. 46-47 выше). Однако, именно в этом отчете был установлен стойкий характер шрамов у Ч., что позволило суду сделать вывод, на основании имеющихся у него полномочий (пункты 41-42 выше), о том, что лицо Ч. было обезображено.

81. В этом контексте Суд напоминает, что в его задачи не входит обнаружение фактических или юридических ошибок, предположительно совершенных национальным судом, за исключением того, в какой мере они могли нанести ущерб правам и свободам, охраняемым Конвенцией, и что он не действует как суд четвертой инстанции, высказывающий мнение о соответствии внутригосударственному праву способа получения доказательств, об их приемлемости или о виновности заявителя. В соответствии с принципом subsidiarity, данные вопросы относятся к компетенции национальных судов. В задачи Суда не входит вынесение решения о

том, являются ли достаточными представленные доказательства для обоснования приговора заявителю и заменять своей оценкой фактов и доказательств оценку национальных судебных инстанций (там же, пункт 149, с приведенной прецедентной практикой).

82. Европейский Суд считает, что на основании вышеизложенных принципов, он не является компетентным, чтобы пересматривать выводы суда касательно стойкого обезображивания лица потерпевшего. Суд делает вывод, что в данном деле у заявителя была соответствующая возможность подготовиться к защите и оспорить улики против него, и что он воспользовался процессом на условиях состязательности сторон, в целом справедливым и без какой-либо видимости произвола.

Отсюда следует, что настоящая жалоба является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с пунктами подпунктом «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции.

III. О ПРИМЕНЕНИИ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

83. Статья 41 Конвенции гласит следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

84. Заявитель требует 30 000 евро в качестве возмещения ущерба, причиненного ему, по его мнению, ввиду нарушения статьи 3 Конвенции, в материальной и процессуальной части, 6 000 евро в качестве возмещения ущерба, причиненного ему как потерпевшего в результате нарушения его права на справедливое судебное разбирательство, а также 10 000 евро по другим жалобам, не являющимся предметом настоящей жалобы.

85. Власти считают, что требуемые суммы являются чрезмерными, и что, в любом случае, заявителю не полагается никакого возмещения ущерба, поскольку, по их мнению, права заявителя, охраняемые Конвенцией, не были нарушены.

86. С учетом обстоятельств настоящего дела, а также признания Судом нарушения статьи 3 Конвенции, Суд считает, что заявитель испытал стресс, испуг и чувство несправедливости, что не может быть компенсировано одним лишь фактом установления нарушения в данном постановлении. Однако Суд отмечает, что требуемые суммы частично относятся к жалобам, по которым не было установлено никакого нарушения. Учитывая все данные, имеющиеся в его распоряжении, Суд считает, что необходимо присудить заявителю сумму 25 350 евро в качестве компенсации неимущественного вреда.

87. Суд считает целесообразным установить процентную ставку за просрочку платежей в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процентных пункта.

В. Расходы и издержки

88. Заявитель требует также 1 900 евро в качестве компенсации судебных издержек и расходов, которые, по его словам, он понес в Суде, за услуги по представлению его интересов и помощь, которые обеспечивала адвокат Дружкова. Власти возражают, что заявитель не представил никакого подтверждающего документа в подкрепление данного требования.

89. Суд напоминает, что заявитель может получить возмещение своих расходов и издержек только в той мере, в которой был установлен их реальный объем, необходимость и обоснованность. О реальности расходов на оплату услуг представителей свидетельствует факт их оплаты заявителем, либо наличие у него обязательства по их оплате.

90. Применительно к обстоятельствам настоящего дела Суд подчеркивает, что заявитель не представил заключенного с представителем Дружковой соглашения о выплате вознаграждения или какого-либо иного документа, подтверждающего наличие у него правового обязательства по оплате расходов на представителя. При таких обстоятельствах Суд не может прийти к выводу о реальности заявленных к возмещению расходов. Таким образом, требование о возмещении судебных расходов и издержек подлежит отклонению.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. Объявляет жалобу приемлемой с точки зрения нарушения статьи 3 Конвенции и неприемлемой в отношении прочих оснований;
2. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее материально-правовом аспекте;
3. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальной части в связи с отсутствием эффективного расследования по заявлениям о жестоком обращении;
4. *Постановил*:
 - а) что в течение трех месяцев Государство-ответчик обязано выплатить заявителю следующие суммы в пересчете на национальную валюту Государства-ответчика по курсу, действующему на день выплаты: 25 350 евро (двадцать пять тысяч

триста пятьдесят евро), а также любую сумму налога, которым может облагаться данная сумма, в качестве компенсации неимущественного вреда;

б) что с момента истечения указанного трехмесячного срока до момента фактической выплаты на эти суммы будут начисляться простые проценты, равные предельной процентной ставке Европейского центрального банка, действующей на данный период, плюс три процента;

5. *Отклонил* остальные требования о справедливой компенсации.

Составлено на французском языке, и письменное уведомление о постановлении направлено 15 октября 2019 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 статьи 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь

Алина Полачкова
Председатель